

МОСКВА гостеприимно представила «Нью-Йорк Сити балет» две свои лучшие сценические площадки — сцены Большого театра и Кремлевского Дворца съездов. Здесь любители балета смогут познакомиться с хореографическим искусством американских артистов, с их творческими исканиями, подумать о путях развития одного из лучших балетных коллективов США.

Первая же встреча оказалась очень интересной. Коллектив несомненно талантлив. Объединенный творческой волей одного из крупнейших балетмейстеров — Дж. Баланчина, он отличается художественностью намерений, высоким профессионализмом и своеобразием творческого лица. Условия развития балета в Америке таковы, что

за, требует конкретной зрительной определенности. Характер обобщений в музыке и танце различен. И вместе с тем в их единстве и слитности возникает то неповторимое, что мы и называем балетным искусством.

Дж. Баланчин не «накладывает» на инструментально-симфоническую музыку литературный сюжет, которого в этой музыке нет, а стремится выразить, именно выразить в хореографических композициях эмоционально-смысловое содержание данного музыкального произведения. Иной вопрос, насколько широко и объемны возможности этого жанра для воплощения более широкого круга сложных явлений действительности. Но жанр есть жанр. Интересно, что на наших глазах, скажем, в работах Ю. Григоровича и И. Бельского происходит рождение новых качественных особенностей симфонического жанра в балете и взаимообогащение различных жанров хореографии.

Балет «Серенада», искусно, тонко

ристами отлично. Здесь нет волейбольных мячей, теннисных ракеток, рюкзаков, дорожных пледов, горячих сосисок, прохладительных напитков и других атрибутов загородного пикника. Но бодрость и увлекательность ритмов хореографии, исполнения и музыки выразительно создают эту озорную, веселую атмосферу игр, праздничности.

Хотелось бы отметить одно характерное качество. В основе хореографии Роббинса — классика, но классика, насыщенная пронзительными мотивами американской бытовой пластики. Классические приемы густо приправлены «американизмом» пластически-бытовых движений. В этом есть черты современной национальной характеристики хореографического языка американского балета. Смелый сплав «высокого стиля» классики с пластическими мотивами акробатики, спорта, бытового негритянского танца, джазированной походки и других городских признаков «фольклора» вполне убеждает.

...Когда нет эмоциональной почвы,

и без конкретного литературного сюжета хореография выражала существенное и содержательное в соответствии с темой, невольно ждешь чего-то значительного и от такого романтического названия, как «Симфония Дальнего Запада». Однако, просмотрев этот балет, испытываешь чувство разочарования. И не потому, что артисты плохо танцуют, или истощилась творческая фантазия постановщика. Нет, артисты лихо, а порой виртуозно исполняют классические движения, изобретательно и щедро предложенные хореографом, опять с тем же характерным «американизмом» стиля, который проявился в «Играх». Но, право же, когда произносится слово «Симфония», да еще прибавляется к нему «Дальнего Запада», мечтаешь увидеть нечто романтически приподнятое, экзотически увлекательное, полное дыхания диких прерий и сурового человеческого мужества. И когда вместо этого видишь нечто опереточное, канканобразное, явно голливудского покроя, то жаль, становится разлада между «Симфонией» — такой, какой она должна быть, и какой она есть. Невольно вспоминается балет «Родео» в постановке «Американского театра балета»,

значительно полнее и интереснее познакомившего нас с жизнью американского Запада. Но не будем слишком строги. Молодые «отлакированные» ковбои имеют право отдохнуть в обществе молодых красивых девушек. Хореограф имеет право это отразить. Что же касается «Дальнего Запада», то, к сожалению, наиболее характерным для него явилась надпись «Эльдорадо», выполненная крупно на заднике декорации. Но для искусства балета и его симфонического жанра подлинное Эльдорадо еще не открыто.

Очень положительный принцип «деления власти» между солистами и кордебалетом, проводимый Дж. Баланчиным. Они органично дополняют друг друга без стандартного «премьерства». Ведущие артисты составляют высоко талантливое ядро группы, в которое, бесспорно, входят Аллегра Кент, Глория Говрин, Джиллана, Мелисса Хейден, Патриция Уайлд, Виолетт Верди, Николас Магальянес, Артур Минчелло, Эдуард Виллела, Джонатан Уоттс. Всем им свойственны высокий профессионализм и превосходная техника. Поражает великолепная выдержка, уверенность сильного, тренированного тела. С большим мастерством провел эту труднейшую программу дирижер Роберт Иранг.

И ТАК, впереди еще много нового. И хочется пожелать нашим американским гостям, чтобы успешный дебют стал началом большой, интересной «партиты».

Михаил ГАБОВИЧ,
народный артист РСФСР,

МОСКОВСКИЙ ДЕБЮТ

не дают возможности говорить о большом национальном театре в нашем понимании этого слова. Скорее это театр миниатюр, театр талантливых эскизов, этюдов, фрагментов. Гибкость и «портативность» сценических форм их балетов близка жанру импрессионистической новеллы. Это хорошо. Но, возможно, было бы еще лучше, если — как и в американской литературе, где рядом с Эдгаром По и О.Тенри выступают кроны сочинений Уилсона и Драйзера, — балетный театр тоже задумался бы над крупными полотнами, эпически масштабными по глубине охвата жизненных явлений. Однако это вопрос спора и будущего... А в настоящем американский балет дебютировал в Москве и, как говорят шахматисты, дебют был разыгран успешно!

ДЖ. БАЛАНЧИН — убежденный сторонник того бессюжетного, но музыкально-содержательного жанра в балете, начало которому положил в XX веке своей бессмертной «Шопениной» М. Фокин. Суть этого, в дальнейшем широко распространившегося жанра, — в стремлении создать пластический (хореографический) аналог музыкальному содержанию непрограммных симфонических произведений, лирических, как известно, литературно-сюжетного текста. Текста — но не смысла, сюжета — но не содержания. Конечно, музыкальный образ не тождествен балетному. Первый, рассчитанный на слуховое восприятие, «не боится» зрелищной «неясности», второй, поверяемый «строгостью» гла-

з художественно выразительно поставленный Дж. Баланчиным на музыку «Струнной серенады» Чайковского, — прелестная, овеянная дыханием поэзии хореографическая акварель. Русская школа классического танца, хорошо известная Баланчину, оказала свое положительное влияние на американскую труппу, и это заметно во всем. Вместе с тем исполнительский стиль своеобразен. И в этом сказались оригинальность таланта балетмейстера. Он не реставрирует и не стилизует. В хореографии «Серенады» нет режима строгости, столь существенно для романтического балета, но она и не выходит за рамки хорошего классического стиля. Свободная текучесть композиции, органически вытекающие элементы ритмо-пластики, богатый выбор танцевальных ракурсов, может быть, некоторая суховатость пластики рук создают свое, самобытное истолкование музыки средствами классического танца. Забегая вперед, скажу, что у Баланчина чрезвычайно богатая хореографическая фантазия. Почти не имея дела с пантомимой, он весь отдался композиции в области танца и своей выдумкой, изобретательностью достиг очень интересных художественных результатов.

Своеобразна, обаятельна работа Дж. Роббинса на музыку М. Гула — «Игры». Смена жизнерадостных эпизодов спонсов, то спортивно-акробатических, то лирически-задушевных — молодежь играет, танцует, веселится, убаюкивает, отдыхает, соревнуется — все это поставлено Роббинсом и исполнено ар-

трудно зародиться танцу. В балете «Агон» И. Стравинского нет этой «земли» чувств. Среди блестящих партитур этого замечательного мастера «Агон» занимает далеко не лучшее место. Он холоден, умозритель, обнаженно-ритмичен. Старинные танцы брали, гальярда, сарабанда и другие — лишь повод для мастерского, но, по существу, математического бытия и судорожного движения звучащих форм. «Состязание» («Агон» в переводе с древнегреческого — состязание) балетмейстера и композитора закончилось в лучшем случае ничью... Способные артисты превратились в некие алгебраические знаки и, окруженные реbusной паутиной, не столько танцуют, сколько решают ногами сложные задачи (в части их, без помощи логарифмической линейки). И каким отрядным «диссонансом» призвучал фрагмент — блестяще исполненный Аллегой Кент и Артуром Минчелло! Можно поспорить о чувстве меры в художественном выражении секса, но нельзя отрицать силу и выразительность образов, умную, тонкую хореографию и свойственную музыке этого фрагмента волнующую горькость. Я, конечно, понимаю, что в целом «Агон» — труднейший экзамен балетмейстеру и труппе на освоение музыки такого склада. Но, пожалуй, преодоление этих трудностей носит скорее «научно-спортивный» интерес, чем эстетический.

И, наконец, последний одноактный балет в постановке Дж. Баланчина. Это «Симфония Дальнего Запада» (музыка Х. Кэя).

После первых двух балетов, где

На снимке: сцена из балета «Серенада» на музыку «Струнной серенады» П. И. Чайковского в постановке Джорджа Баланчина.

Этим спонтанем «Нью-Йорк Сити балет» открыл свои московские гастроли на сцене Государственного ордена Ленина академического Большого театра Союза ССР.

Фото В. БОРИСОВА.